

"Книга, ждущая авторов" М. Эпштейна в контексте художественного и научного дискурса рубежа XX–XXI веков

Н.И. Астрахан*

Житомирский государственный университет им. И. Франко, г. Житомир, Украина

*Corresponding author. E-mail: astrakhann@rambler.ru

Paper received 09.11.15; Accepted for publication 17.11.15.

Аннотация. В статье анализируется текст М. Эпштейна "Книга, ждущая авторов", в котором представляется проект виртуальной "Книги Книг" – открытого духовно-интеллектуального пространства, являющегося результатом диалогической работы индивидуального сознания автора и приглашающего потенциальных читателей к активному авторскому развитию предложенных концептуальных и периферийных идей. Данный текст рассматривается как характерный для периода рубежа веков и тысячелетий, ориентированный на снятие границы между художественным и научным дискурсами, подводящий итоги эпохи постмодерна и открывающий новые перспективы диалогического осмысления векторов и закономерностей культурогенеза.

Ключевые слова: философия диалога, постструктурализм, постмодернизм, виртуальная книга, художественная целостность, краткий диалог.

Введение. Текст М. Эпштейна "Книга, ждущая авторов", опубликованный в конце 1999 года – на рубеже веков и тысячелетий, не может быть отнесен однозначно ни к научному (литературоведческому, культурологическому, философскому), ни к художественному (под знаком "пост" или "прото" [9]) дискурсу. Он возникает на пересечении разнохарактерных дискурсивных практик и определяющих их традиций, и это пересечение не только соответствует установкам постструктурализма и постмодернизма, но и хорошо согласуется с приобретающей сегодня особое значение метафорой "сети". Как это часто случается, технологические новации, основательно входящие в культурный обиход и приводящие к существенной трансформации механизмов если не развития, то функционирования культуры, порождают знаковые метафоры, позволяющие по-новому осознать особенности сегодняшнего пребывания человека в мире. "Сеть" как подсказанная Интернет метафора информационного взаимодействия между людьми поднимает проблему обезличивания субъекта высказывания, растворения его в безбрежном информационном море, проблему фальсификаций и подмен, угрожающую и личности, которая может с легкостью превращаться в мишень или средство информационной войны, и миру, реальный образ которого заменяется виртуальным, обладающим большим потенциалом искажения, смещения.

Краткий обзор публикаций по теме. Проект/образ "Книги Книг", разработанный/созданный М. Эпштейном с опорой на идеи персонализма и философии диалога [4], а также художественную практику постмодернизма в ее высоких образцах снимает негативный слой метафоры "сеть", переводя новейшие технологические возможности из регистра "ловушка" в регистр "ловец человеческих душ". Такое "переключение" осуществляется благодаря актуализации одной из самых гуманистически сориентированных традиций в мире человеческой культуры – традиции личностно-значимого чтения/понимания [3]. То, что М. Эпштейн называет "виртуальной книгой", представляет собой лаконичную фиксацию диалогически-ориентированного понимания прочитанной книги, обращенную к другим (другому!) с целью уточнения и коррекции, развития концептуально значимых мыслей. Не случайно в качестве образца "виртуальной книги" приводится "аннотация" знаменитой работы М. Бахтина "Проблемы поэтики Достоевского" [1], оказавшей огромное влияние на развитие

литературоведческой (и шире – гуманитарной) мысли XX века.

Целью данной статьи является рассмотрение текста М. Эпштейна "Книга, ждущая авторов" в контексте актуализированных в нем художественных и научных традиций.

Материалы и методы. Кроме опорного текста М. Эпштейна, в качестве материала использованы художественные (новелла Х. Л. Борхеса "Вавилонская библиотека", роман М. Павича "Хазарский словарь") и научные (работа М. Бахтина "Проблемы поэтики Достоевского") тексты, анализ и интерпретация которых осуществляются с учетом методологических установок постструктуралистского литературоведения (интертекстуальность), теории художественной целостности и онтологической герменевтики.

Результаты и их обсуждение. Определяя работу М. Бахтина "Проблемы поэтики Достоевского" как одну из самых "интеллектуально насыщенных русских книг" прошлого столетия, М. Эпштейн открывает ее одновременно к прошлому и будущему. При этом противоположные временные перспективы смыкаются в плане творчества: локализованные в прошлом произведения Ф. Достоевского порождают новые прочтения, по-новому актуализируются каждым последующим поколением читателей и исследователей, обнаруживая не учтенные ранее смыслы, а написанная М. Бахтиным вслед за книгой о Ф. Достоевском диссертация о Ф. Рабле становится обращением к более отдаленному прошлому культурного и литературного бытия. В этом отношении Интернет, где созданные в разные эпохи произведения представлены в едином информационном континууме, моделирует вневременное (или всевременное) пространство творчества, для которого нет непреодолимых барьеров, вследствие чего доступным оказывается любой "собеседник", участие которого в субстанциально диалогическом творческом процессе необходимо. Такого рода творческое "собеседование" и имеет в виду М. Эпштейн, когда говорит о "персональном мышлении". Учитывая возможности Интернет, он предлагает особый способ представления книги в информационном пространстве, дополняющий широко распространенный сегодня – текстуральный.

"Виртуальная книга", являющаяся результатом осуществления работы сознания, творческого осмысления, памяти и воображения, которые позволяют сжать содержание книги, свести ее к набору концептов с едва

намеченными, неартикулированными логическими связями, становится единицей вторичной моделирующей системы. Подобно тому, как, по точному определению Ю. Лотмана, над естественным языком – первичной моделирующей системой – надстраивается вторичная моделирующая система художественного языка [7], "виртуальные книги" должны не заменить, но представить в сети книги реальные. Если все книги, созданные человечеством в целом, моделируют мир, в котором разворачивается человеческое бытие во всей его полноте, "виртуальные книги" как вторичная моделирующая система моделируют работу сознания, направленную на освоение первичной модели: "Разумеется, виртуальные книги не могут и не притязают заменить книги субстанциальные, многостраничные. Но этот особый книжный жанр имеет право на существование, поскольку отражает реальность нашего читательского опыта, тот способ, каким книги существуют в сознании. Виртуальная книга – это мыслительная форма книги без ее текстуального наполнения; это функция книги, отделившаяся от ее бумажной массы; это знак книги без означаемого... Это весеннее предчувствие, эсхатологическое ожидание книги, которое никогда полностью не сбывается, но позволяет интеллектуально пережить и читательски освоить феномен книги именно в силу ее фактического отсутствия, как чистую возможность, не запятнанную ущербным исполнением" [10].

Обратим внимание на то, что в процитированном фрагменте контекстуальными синонимами оказываются "весеннее предчувствие" и "эсхатологическое ожидание", эмоциональная антонимичность которых связана, видимо, не только с началом и концом читаемой книги. Участвуя в построении модели мира, каждое произведение рассматривает всеобщее бытие либо в перспективе циклического обновления, обязательного возрождения на новом этапе эволюции, либо с точки зрения катастрофического конца, не связанного с завершением, то есть не предполагающего нового начала, продолжения на следующем витке. Программа перехода на новый уровень абстракции в построении модели мира, заложенная в проект "виртуальной книги", оказывается амбивалентной. С одной стороны, она призвана активизировать со-творческую работу сознания, объективировать духовные процессы понимания, материализовать внутреннюю субъективность открытия другого как автора текстуально воплощенного высказывания. С другой – продиктована недоверием к наличествующему, воплощающимся возможностям, исполнению, которое, по мысли М. Эпштейна, всегда оказывается "ущербным". "Возможность" прочтения субстанциальной книги в процессе реализации становится грязной – "запятнанной". Поэтому лучше оставить ее нереализованной, заменить реальную книгу – виртуальной, своего рода экстрактом, диалогической аннотацией, предполагающей абстрагирование от текстуальной реальности (что отражает английское слово "abstract"), отказаться от своего опыта прочтения, доверившись опыту другого.

Намеренно воспроизводящий эстетические координаты литературы постмодернизма текст М. Эпштейна неожиданно проявляет фундаментальную библейскую мифологию. Чистота божественного замысла, связанного с созданием человека, была запятнана вмешатель-

ством неких сил, спровоцировавших "лишний" опыт познания, что с неизбежностью рождает эсхатологические ожидания. Но событие грехопадения уравнивается новыми возможностями, связанными с учением Христа, которое корректирует возникшую дисгармонию, открывая путь к спасению. Неспособность увидеть и реализовать эту новую возможность, услышать "благовую весть" и действовать в соответствии с ней ведет к реализации негативной перспективы – вероятно, в этом проявляется смысл божественной архитектоники "Нового завета".

Возможность уклониться от индивидуального читательского опыта, от "полнокровного" вхождения в реальность книги, соприкосновения с ее текстуальной конкретикой таит в себе опасность сужения возможностей, потери реальности. Этим вообще опасна виртуальная реальность – ее разрастающаяся активность блокирует личностную активность в пространстве реальной жизни, превращает биографическую личность в виртуальную, обладающую весьма ограниченным (неорганическим, наперед заданным) набором возможных проявлений. Представим себе, что со временем книги на бумажных носителях вообще перестанут существовать – такую ситуацию замечательно художественно "обыграл" Е. Гришковец в пьесе "Прощание с бумагой". Подобную перспективу намечает и М. Эпштейн, размышляя о том, как стремительно книга превращается в "архаический объект": "Ее бумажно-пыльный запах, желтеющие страницы, сама ее материальность – признаки какой-то исчезающей цивилизации. Ходишь среди библиотечных стеллажей – и чувствуешь себя как будто в Вавилоне или Древней Греции, хотя тогда и книг-то в современном смысле не было. В жанре книги еще можно творить раритеты, произведения книжного искусства, но цивилизация уже покинула это место. Глаза привыкли к эфирному пространству экрана, к бисерной россыпи электронных букв. Книжные шкафы, ряды корешков с тисненными заглавиями – все это реликтовый слой в домашнем пейзаже, вроде бабушкиных нарядов или старинной мебели, – зона будущих археологических раскопок" [10]. Но если написанное пером не вырубил топором, электронные версии подталкивают к читательскому вмешательству в текст: исправлению, дополнению, сокращению, сжатию, продиктованному нехваткой виртуальной памяти. Что если в условиях "разлива" информационных потоков текстуальное представление книги будет заменено только "виртуальной книгой"? Как в таком случае противостоять сужению горизонта развертывания мысли, прежде всего художественной, нуждающейся в подробностях, деталях, повторах, параллелях, переносах значения, вариантах, заблуждениях, неточностях, непоследовательности, алогичности и т.д. (см. перечень средств художественной выразительности на всех уровнях поэтического языка)? Как не оказаться в роли псевдо-читателей, знакомящихся с произведениями великих авторов по скудным изложениям содержания в Википедии, доверяющих читательскому опыту пересказчиков? Как сохранить представление о художественной целостности и философской завершенности, если о них будет свидетельствовать только отблески, сверкнувшие при соотнесении названия и фрагмента?

В контексте современной культуры древняя метафора мира-книги [2] уже мало соотносится с человеком. В

новелле Х.Л. Борхеса "Вавилонская библиотека" человек не может быть ни автором, ни читателем, диалогическая обращенность которых друг к другу определяет онтологическую событийность эстетической и/или гносеологической коммуникации. Герой новеллы Х.Л. Борхеса – "несовершенный библиотекарь", блуждающий в библиотеке-лабиринте вселенского масштаба, – даже не допускает мысли, что за книгой нужно стремиться увидеть другого человека, а за библиотекой – реальный мир. Его цель – всобъемлющая книга, позволяющая прочитать любую другую книгу. Бытие библиотекаря замыкается на книгу и библиотеку, переходы между вертикальными и горизонтальными блоками бесконечной конструкции ничего не меняют, поскольку качественное расширение возможности понимания, связанное с открытием другого, диалогическим взаимодействием с ним, не происходит. Заданность и упорядоченность (повторяющийся беспорядок) вселенской библиотеки смыкаются с бессмысленностью хаоса, в нем нет ничего от божественной случайности, несущей в себе потенциал развития. Вавилонская библиотека – борхесовская интерпретация библейского мифа о смешении языков, которое стало наказанием за отказ от использования языка для диалога с другим, за подчинение коммуникации сверхчеловеческим целям – целям, выходящим за пределы человеческого, за поиски Бога вне человека.

Мотив потери человека в целостности его природной (биологической) данности и духовной (телеологической) сущности присутствует в анализируемом тексте М. Эпштейна: "Не станет ли со временем архаичским объектом и само тело? Сведенное к записи генетической формулы, оно станет передаваться по электронным сетям с терминала на терминал. В нашей цивилизации книга родственна телу, соприродна ему, поскольку некая информация занимает место в пространстве, обладает плотностью, инертностью, непроницаемостью для других тел. Но если информация вычитывается-вычитается из тела и начинает странствовать в виде каких-то кодовых матриц или электронных пучков, перебегая с экрана на экран, то само тело, как трехмерный пространственный объект, воспринимается уже как пережиток прошедших эпох. С исчезновением книги начинает исчезать и тело" [10]. Если прикосновение воспринимается представителями современной цивилизации как своеобразный архаичный пережиток, то и весь комплекс телесно-духовных переживаний, связанных с экзистенциалом "любовь", трансформируется до неузнаваемости, оборачиваясь и телесным, и духовным бесплодием. Слова "пережиток", "переживания" вместе с концептом "жизнь", к которому они восходят, и его экстенционалом оказываются под угрозой.

Способность литературного произведения воспроизводить ситуацию "я-в-мире", характерную для всех людей [8], неразрывно связана с феноменом художественной целостности, в которой и воссоздается (отражается и создается) целостность мира и человека [5]. Этот феномен несет в себе колоссальный потенциал гармонизации субъективного (внутреннего) и объективного (внешнего) мира в их взаимообусловленности, взаимодействии. Востребованный литературой постмодернизма взгляд на мир как на книгу, соединяясь с разрушением онтологической значимости литературы

(игра) и художественной целостности литературного произведения (коллажность, цитатность), кажется, легко принимает угрозу исчезновения и человека, и мира в их реальной воплощенности. Если существуют только бесконечные семиотические процессы, пересечения и перекодировки единиц разных знаковых систем, замкнутые на себя, самодостаточные, личностные и всемирное бытие обесценивается, превращается в источник материала для знаков, в средство знакового моделирования. Сформированный в контексте становления постструктурализма и постмодернизма образ ризомы, хорошо "рифмующийся" и борхесовским образом "вавилонской библиотеки", далек от традиционных представлений о человеке и мире в их взаимодействии, но близок к принципам формирования сети Интернет. Пока сохраняется референтность по отношению к явлениям и процессам реальной действительности, открытая самоорганизующаяся "ризома" сети наполнена смыслом. Как только эта референтность утрачивается, смысл оказывается под сомнением, виртуальный мир превращается в хаос дезинформации.

"Диалог с хаосом" [6] как стратегия художественной практики постмодернизма акцентирует очень важную мировоззренческую черту модернизма, унаследованную постмодернистами: разрыв естественных связей между людьми, одиночество субъекта, обреченного опираться только на себя, на собственную субъективность. Этот разрыв, ставший следствием слома религиозного сознания в эпоху декаданса, приводит к потере другого, невозможности диалога с ним. Такого рода потеря, которую отчаянно стремились преодолеть представители высокого модернизма (и Ф. Кафка с его продолжающим любить близких несмотря ни на что Грегором Замзой, и Дж. Джойс с его обретающими друг друга Отцом и Сыном, иудеем и эллином, и М. Пруст с его ревнующей тоской по полноте познания любимого человека), принимается как должное постмодернистами. Разорванность связей между людьми, лишаящую жизнь смысла, они осознают как аксиому, как неизбежность, ставя под сомнение уже и собственную личность, фокусируя внимание на безличностном: письме без адресанта и адресата, Тексте без автора и читателя.

Выводы. В этом плане предложенный М. Эпштейном проект "Книги, ждущей авторов", воспринимается как осознание ошибок модернистского "уединенного сознания" [8], попытка преодоления мировоззренческой инерции модернизма, породившей постмодернизм. "Книга Книг" – "портрет одного сознания", но не замкнутого, а диалогически открытого к другим сознаниям, интегрированного в общекультурный процесс познания. При этом декларируется такая степень "открытости", которая позволяет снять границу между исторически реальным и возможным, общеизвестным и альтернативным, между данным субъектом мысли и другим, находящимся в другой временной или модальной реальности. "Книга Книг", как ее называет М. Эпштейн, – безграничное пространство интеллектуально-духовного диалогического взаимодействия, открытое потенциально для всех субъектов мысли и слова, независимо от их пространственной и временной локализации, наделяющее каждого шаговой возможностью перехода от позиции читателя к позиции автора. Пространство "терпеливое", ожидающее читателя/автора,

готовое в любой момент и в любой точке "впустить" и "выпустить" его, ничего не навязывая и никого не поработая.

Концепция М. Эпштейна сознательно учитывает наработки постмодернистского художественного сознания, в частности, модель словаря, актуализированную М. Павичем в его знаменитом романе: "Наилучшим способом представления сознания как целого является Словарь – но не словарь слов, а словарь мыслей, идей, взаимно пересекающихся и определяющихся понятий. Работа сознания есть создание нового языка и одновременно его словаря как системы терминов-символов, не совпадающей ни с одним из существующих словарей" [10]. Это позволяет рассматривать подобные рассуждения в контексте теории литературного произведения, представляющего собой уникальное взаимопроникновение индивидуального словаря (идиолекта) и картины мира, оговариваемой с его помощью. Тогда словарь мыслей как модель индивидуального сознания приобретает универсальное значение, начинает восприниматься как модель "коллективного сознательного", "мирового разума", образующего открытый континуум диалогических пересечений, для которого не существует границ.

Таким образом, предложенная М. Эпштейном концепция "Книги Книг" позволяет осмыслить и сознание, и память как процессы коллективные, точнее сказать – всеобщие, предполагающие вхождение личностно значимого диалога в континуум общекультурного полилога. При этом согласно принципу герменевтического круга, "работать" всегда приходится с частью неизвестного целого, без полного осознания подлинных масштабов происходящего. Это, видимо, имел в виду М. Бахтин, говоря о "большом времени", о постоянном выходе за пределы мыслимого в процессе гуманитарного познания. "Персонажное мышление", положенное в основу концепции "Книги, ждущей автора" М. Эпштейна, проявляет личностный характер диалогических связей, формирующих индивидуальное и коллективное со-знание, фиксирует нераздельность философского и художественного познания, актуализируя представление о сократическом диалоге. Следовательно, соединяет проект новой виртуальной жанровой формы с одной из определяющих, исходных традиций европейской гуманистической культуры, заполняя таким образом разрыв между технологическим и духовным, пробел, угрожающий человеку как субъекту и объекту культурогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худож. лит., 1972. 470 с.
 [2] Блюменберг Г. Світ як книга. К. : Лібра, 2005. 544 с.
 [3] Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. М. : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 731 с. Электронная книга. Лингвистика. Лингвистика текста // http://superlingust.com/index.php?option=com_content&view=article&id=701:2011-01-13-16-59-52&catid=10:2009-11-23-13-36-04&Itemid=10
 [4] Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 16–92.
 [5] Гиршман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. М. : Языки славянских культур, 2007. 560 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
 [6] Липовецкий М. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) / Монография. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. 317 с.
 [7] Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб. : Искусство–СПБ, 2000. С. 14–287.
 [8] Тьюпа В.И. Анализ художественного текста. М. : Академия, 2006. 336 с.
 [9] Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
 [10] Эпштейн М. Книга, ждущая авторов / М. Эпштейн / URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/5/epsht.html>

REFERENCES

- [1] Bakhtin, M.M. The Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow, 1972. 470 p.
 [2] Blumenberg, G. The World as the Book. Kyiv, 2005. 544 p.
 [3] Bogin, G.I. Acquire the Ability to Understand: Introduction to Hermeneutics. Moscow : Psychology and Business Online, 2001. 731 p. E-book. Linguistics. Text linguistics // http://superlingust.com/index.php?option=com_content&view=article&id=701:2011-01-13-16-59-52&catid=10:2009-11-23-13-36-04&Itemid=10
 [4] Buber, M. I and You // Two Types of Faith. Moscow : Republic, 1995. P. 16–92.
 [5] Hirshman, M.M. The Literary Work: the Theory of Artistic Integrity. Moscow : Languages of Slavic cultures, 2007. 560 p. (Communicative strategies of culture).
 [6] Lipovetsky, M. Russian Postmodernism. (Essays of Historical Poetics) / Monograph. The Urals. state Ped. Un. Ekaterinburg, 1997. 317 p.
 [7] Lotman, Y.M. The Structure of the Artistic Text // About the Art. SPb. : Art – SPB, 2000. P. 14–287.
 [8] Tupa, V.I. Analysis of a Literary Text. Moscow : Academy, 2006. 336 p.
 [9] Epstein, M. The Space character: On the Future of the Humanities. Moscow : New literary review, 2004. 864 p.
 [10] Epstein, M. The Book Waiting for the Authors / URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/5/epsht.html>

"The book is waiting for authors" by M. Epstein in the context of artistic and scientific discourses of the twentieth and twenty-first centuries

N. Astrachan

Abstract. The article analyzes the text of M. Epstein, "The Book waiting for authors", which appears to project a virtual "Book of Books" – an open spiritual / intellectual space, which is the result of a dialogical work of the individual consciousness of the author and inviting potential readers to the author's active development of the proposed conceptual and peripheral ideas. This text is considered as characteristic for the period of centuries and millennia that focuses on removing the boundaries between artistic and scientific discourses, which sums up the era of postmodernism and opens new perspectives Dialogic reflection vectors and patterns of cultural Genesis.

Keywords: *dialogue, philosophy, poststructuralism, postmodernism, a virtual book, artistic integrity, Socratic dialogue*